
Садовники Юпитера.
Книга 2. Квантовый мост
Марк Вольф

Марк Вольф

Садовники Юпитера. Книга 2. Квантовый мост

«Автор»
2026

Вольф М.

Садовники Юпитера. Книга 2. Квантовый мост / М. Вольф — «Автор», 2026

Они ушли с Марса, но Марс не отпустил их. Юра и Элис нашли новый дом в облаках Юпитера — живой остров «Горн», выращенный из биомата и света, где люди и марсианская сеть сплелись воедино. Теперь сюда, сквозь блокаду корпораций, летят паломники: уставшие от войн, климата и вечного страха. Они хотят простых радостей — помидора, выращенного в марсианской почве, песни под пульс коннектома, возможности дышать без скафандра и знать, что будущее не отнято.Но «Горн» — не только убежище. В его центре открылась дверь: квантовый портал, ведущий на Марс. А за ним — сеть. Яйца-порталы просыпаются по всей Галактике, и каждый — приглашение. Земля видит в этом угрозу. Корпорации готовят новую экспедицию — не военную, а «научную», с агентами внутри. Среди добровольцев — тринадцатилетняя Лорен Крейг, дочь человека, который когда-то стрелял в клешненосца. Она хочет увидеть свет своими глазами.

© Вольф М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Помидор 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Марк Вольф
Садовники Юпитера.
Книга 2. Квантовый мост

Глава 1. Помидор

Юпитер. Атмосфера. Остров «Горн». Юра

Я проснулся от того, что кто-то маленький и тёплый ткнулся мне в ладонь.

Открыл глаза. Надо мной нависал потолок из пульсирующего биомата — голубоватого, мягкого, с прожилками, по которым медленно бежали искры света. Рядом спала Элис, свернувшись калачиком, её ладонь лежала на моей груди и светилась ровным, спокойным ритмом. А у моей руки, прямо на краю ложа, сидел ребёнок.

Девочка. Лет шести. В комбинезоне, перепачканном чем-то зелёным, с растрёпанными волосами и глазами, которые светились — не отражённым светом, а изнутри, слабо-слабо, как у всех детей, родившихся на острове.

— Дядя Юра, — сказала она шёпотом. — Там помидор покраснел.

Я моргнул. Помидор.

— Какой помидор? — спросил я, ещё не проснувшись окончательно.

— Настоящий. — Она смотрела на меня с таким видом, будто сообщала о конце света. — Красный. Я видела.

Элис пошевелилась, не открывая глаз.

— Сходи, — пробормотала она. — Если это правда, я тебя расцелую.

Девочку звали Маша. Она была из второй волны паломников, прилетевших на «Мечте». Её мать работала в лаборатории, отец — в гидропонике. Сама Маша считала себя главным экспертом по помидорам, потому что видела их только на картинках в планшете и один раз — в виде сушёного ломтика, который кто-то привёз с Земли и разделил на двадцать человек.

Я оделся, натянул лёгкий комбинезон — на острове тепло, двадцать два градуса, влажность шестьдесят процентов, дышать можно без скафандра, — и пошёл за Машей.

Сад находился в третьем ярусе острова, в камере, которую коннектом вырастил специально для земных растений. Это было странное место: стены из биомата, но под ними — слой почвы, привезённой с Земли в контейнерах. Настоящая земля. Тёмная, рассыпчатая, пахнущая чем-то забытым — прелым листом, дождём, грибами.

Свет здесь был не биолюминесцентный, а настоящий — от светодиодных панелей, которые мы с Элис собрали из старых запасов «Горна». Коннектом сначала не понимал, зачем нужны эти холодные, резкие лучи, но потом привык. Водоросли на стенах научились фильтровать избыток ультрафиолета, а черви — рыхлить почву, пропуская через себя земную органику и обогащая её минералами, привезёнными с Марса.

И вот — помидор.

Он рос на кусте, который выглядел почти вызывающе: зелёный, с резными листьями, с маленькими жёлтыми цветками, уже отцветшими, и с тремя плодами. Два были зелёными, твёрдыми, блестящими. А третий — красный. Не ярко-красный, как на картинке, а скорее розовый, с бледными боками, но всё-таки красный.

Я стоял и смотрел на него, как на чудо.

— Мы посадили их три недели назад, — сказала Вера Петровна. Она появилась из-за куста — пожилая женщина, лет шестидесяти, с руками, которые знали, что такое земля, задолго до Марса и Юпитера. — Семена из генетической библиотеки. Мботы адаптировали их

под местные условия. Уменьшили потребность в свете, изменили корневую систему, добавили устойчивость к аммиаку. Но вкус... — она покачала головой. — Вкус должен остаться.

— И как?

Вера Петровна улыбнулась. Той улыбкой, которую я видел у людей, впервые за долгое время делающих что-то настоящее.

— Попробуй.

Она протянула мне нож. Я осторожно срезал помидор, подержал в руке — тёплый, тяжёлый, пахнущий. Разрезал пополам. Внутри были семена, мякоть, сок. Настоящий.

Я откусил.

И на секунду — только на секунду — я оказался не на Юпитере. Я был на Земле. В детстве. На даче у бабушки, где помидоры лопались от спелости, и мы ели их прямо с куста, посыпав солью, и сок тёк по подбородку, и пахло летом, и солнце было тёплым, и ничего не было страшно.

Я стоял в камере в верхних облачных слоях газового гиганта, на глубине нескольких километров от условной границы облаков, и плакал. Молча, без всхлипов, просто слёзы текли, а я не мог их остановить.

Маша дёрнула меня за рукав.

— Дядя Юра, ты чего?

— Вкусно, — сказал я. — Очень вкусно.

Эта камера была лишь малой частью того, что мы построили за последние месяцы. А началось всё с Яйца на Марсе — огромного, пульсирующего, покрытого прожилками, в которых текла не кровь, а что-то похожее на холодный свет. Мы оставили его под наблюдением коннектома. Не потому, что понимали, чем оно является. Потому, что не понимали — и боялись трогать. Тогда мы думали, что Яйцо — это зародыш. Новая форма жизни. Что-то, что Марс вынашивал миллиарды лет и наконец решился показать.

Мы ошибались. Но узнали об этом не сразу.

Через сорок часов после того, как клешненосец "Первый" разбудил Марс, коннектом начал строить второе Яйцо — на «Горне». Сфера росла не как биологический организм, а как сборка: углеродные нанотрубки, белковые молекулы, сверхпроводящие включения. ИИ «Горна» назвал её макроскопическим квантовым резонатором. Сфера пульсировала в такт Марсу.

На четвёртый день она раскрылась. Внутри висела точка света. А потом Яйцо на Марсе отозвалось — и сеть прошла волной синхронизации от Европы до Юпитера. Корреляция между марсианским и юпитерианским узлами наблюдалась одновременно.

— Это не передача сигнала, — сказала тогда Элис. — Это тождество. Они не обмениваются информацией. Они становятся одним состоянием.

На седьмой день внутри сферы открылся портал. Сквозь дымчатую поверхность мы увидели базальтовые стены, воду, голубоватое свечение биолюминесцентного мата. Озеро Эллада. Марс.

Сначала отправили дрон. Он вернулся через восемьдесят секунд — с марсианской пылью на обшивке и каплей воды в контейнере. Я держал эту каплю в руке и чувствовал, как она светится — слабо, но живо.

— Мы связали Марс и Юпитер, — сказал я. — Не сигналом. Дверью.

Элис не улыбнулась. Она смотрела на сферу так, как смотрят на спящего хищника.

— Мы не знаем, что ещё она связывает, — тихо сказала она. — Яйцо на Марсе — первый узел. Наше — второй. А если сеть не ограничивается Солнечной системой? Что, если где-то ещё есть такие же Яйца? И портал — это не дверь между двумя комнатами. Это дверь в коридор. И мы даже не знаем, сколько в нём дверей.

В ту ночь коннектом заговорил с нами. Не словами — видением. Мы увидели Марс изнутри, Европу, наш остров. Увидели линии, протянутые сквозь пустоту к звёздам. Увидели Галактику — Млечный Путь, раскинувшийся на сотни тысяч световых лет, и в нём — узлы. Сотни, тысячи светящихся точек, соединённых тонкими нитями. Одни горели ярко, другие едва тлели, третьи только начинали разгораться. Это была сеть. Паутина, протянутая сквозь звёзды. И на каждом узле — планета.

Коннектом показал: после активации марсианского Яйца сигнал прошёл по сети. И на других планетах, пригодных для жизни, начали расти новые Яйца. Сеть просыпалась. Не вся — только те узлы, что были достаточно близко, чтобы получить сигнал. Но и этого хватало.

Яйца — не оружие. Не бомбы. Это порталы. Двери между мирами. Когда два Яйца вырастают и синхронизируются, между ними открывается проход. Мосты между островами жизни в океане пустоты.

И теперь эти мосты просыпались. Один за другим. По всей Галактике.

— Это не сеть для связи, — прошептала Элис. — Это сеть для спасения. Для распространения жизни. Для того, чтобы мы не были одиноки.

— Для того, чтобы мы могли дотянуться друг до друга, — сказал я. — Не сигналом, который идёт годы. Дверью, которая открывается сразу.

— И Яйцо на Марсе — первый узел. Наш — второй. А остальные... — она замолчала, и я почувствовал, как через канал ко мне перетекает её страх. — Остальные растут прямо сейчас. На планетах, где можем жить мы. Или кто-то другой.

— Коннектом показал нам не все узлы. Только те, что рядом. Но их тысячи.

— Тысячи миров, — сказала она. — И все они связаны. И мы теперь часть этой сети. Хотим мы того или нет.

— Мы не просто нашли жизнь на Марсе, — сказал я. — Мы нашли дверь. И за ней — весь Млечный Путь.

— И что нам с этим делать?

— То же, что делали всегда. — Я сжал её ладонь. — Учиться ходить. По одному шагу.

Генетическая библиотека — то, что мы отдали Озеру на Марсе перед отлётом, — оказалась не просто складом данных. После синхронизации Марса, Европы и Юпитера она стала чем-то вроде общего генетического банка, доступного всей сети. Мботы могли прочитать нужный ген, проверить его совместимость с местными условиями и предложить варианты адаптации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.